

I. О котах, что сопровождали повозку с серебром

Есть вещи, правду о которых лучше не знать.

Небо нахмурилось, насупилось и всем своим видом сообщало о том, что вот-вот пойдет снег. Двор опустел. Камни, что голубовато-серой рекой протягивались под ногами идущих, были вычищены до блеска. Гигантское дерево софоры высилось посреди двора, и казалось, будто оно кроной подпирало небосвод. Цветы лотоса в пруду под ним уже давно завяли, и в воде плавали лишь несколько жирных карпов. На насыпи у края пруда стояла древняя каменная статуя, покрытая мхом настолько, что лица и не разглядишь. Она напоминала ребенка, на шее которого повязана красная веревка. Жутковато, но по-своему мило.

В Чанъани этот двор не называли богатым, но вот таких аккуратных и любовно вычищенных было не так много. Точнее, крайне мало. На камнях, коими был вымощен дворик, невозможно было найти хоть один опавший сухой лист. Даже ствол софоры блестел от чистоты.

В тишине раздался голос. Говорившим оказался мужчиной лет сорока. Кожа его была светлая-светлая, словно первый снег. Несмотря на то что на улице было морозно, мужчина сидел на веранде под карнизом крыши в одном лишь белом льняном халате, а ноги и вовсе были босыми. Его совершенно не пугало ледяное дыхание зимы.

Из-под черной шапки, которую обыкновенно носили чиновники, сверкали глаза. Уголки губ растянуты в слабой улыбке. Взгляд был прикован к томику, лежащему в руках.

Книг у мужчины было много. Кроме той, что цепко сжимали пальцы, были и другие. Стопки книг громоздились по всей веранде, а между ними красовалась курильница из красной меди, из которой изящными витками поднимался дым.

Человек был подобен цветку белой камелии, распутившемуся в холодной долине, и каждый, кто бы его увидел, ощутил бы волну счастья, захлестнувшую душу.

— Ой-ой-ой! Я думал о том, что случилось, всю ночь, и чем больше размышлял, тем более странным мне казалось все происходящее. Стоило воротам открыться, я тут же примчался к вам. Ведь всем, кто живет в столице, известно ваше имя, Медный ученый! — Напротив человека в белом сидел высокий улыбающийся мужчина — не кто иной, как Кан Ваньнянь.

В этот момент во двор вбежал крепкий мужчина и, оперев руки в бока, обругал Кан Ваньняня:

— Господин Кан, это вы плюнули на камень у входа? Я встал ни свет ни заря, чтобы все убрать, устал как собака, а вы плюетесь! Никакого уважения!

Мужчине на вид было лет пятьдесят — его отличала крепкая, как у медведя, спина, отчего вид у него был весьма грозный. Одет он был в красивый красный халат и выглядел весьма приметно.

— Ах ты, презренный раб! — Одетый в белое придворный историограф схватил метлу, что была неподалеку, и швырнул ее под ноги слуге.

Здоровяк же поднял метлу и, глубоко вздохнув, сказал:

— Не знаю уж, какой он ученый... Но в двух столицах не сыскать ни одного человека, кто бы не был наслышан о чистоплотности моего господина! Он настолько помешан на чистоте, что не может пропустить ни одной жабы во дворе: окуривает их благовониями, чтобы голова у них закружилась, — так от них проще избавиться. Причем окуривает не обычными благовониями, а амброй наивысшего качества. Если так и будет продолжаться, мы рискуем разориться!

В ответ на его тираду раздался смех.

Внезапно за пределами двора заржали лошади. Не прошло и пары минут, как внутрь ворвался мужчина лет двадцати — краснолицый и белозубый, крепко сложенный, с головы до ног укутанный в красный халат, вооруженный длинным мечом, — весь его вид кричал о серьезности настроя.

— Господин Ди, постойте! Постойте! У вас обувь грязная, сначала отмойте подошву дочиста! — С этими словами здоровяк вцепился в прибывшего гостя.

Молодой человек убрал рукой пот со лба — что-то явно его тревожило. Он задержал дыхание, чтобы немного прийти в себя, после чего проследовал на веранду, вытерев перед этим обувь. Стоило ему сесть, как он тут же повернулся к мужчине в белом и заявил:

— Тут такое стряслось!

Человек в белом спрятался за книгой, чтобы защититься от капелек слюны, летевших с губ молодого человека. Нахмурившись, он сказал:

— Ты что, чеснок ел? Вонь невероятная!

— Не обращайтесь внимания! Не это важно! А то, что случилось нечто странное. Очень странное!

— Господин Ди говорит о случае, что произошел у Восточных ворот храма Цзяньфу? — поинтересовался Кан Ваньнянь.

— И вы слышали об этом? — опешил молодой человек.

— Конечно! Думаю, слухи о таком странном происшествии уже разошлись по всей Чанъани! — Кан Ваньнянь украдкой бросил взгляд на человека в белом. — Придворный историограф, только такой мудрый человек, как вы, может объяснить столь необычную вещь!

Молодой человек удивленно открыл рот, но молча кивнул.

Сейчас во главе страны стоит династия Тан — в Великий Китай стекаются многие представители разных стран, чтобы почтить императорский двор, а героев и талантов в Китае не сосчитать — их так же много, как карпов, заполонивших реки. И тем не менее, если говорить о мудрых сего государства,

то на первом месте заслуженно находится великий Ди Жэньцзе. К несчастью, Ди Жэньцзе уже скончался и пребывает в ином мире, и потому на его место претендует человек, к которому обратился Кан Ваньянь.

Он получил ранг Цзиньши* в период правления великого Гао-цзуна. В то время всемирно известный своими литературными трудами канцлер Цянь Вэйдао ознакомился с его экзаменационными работами и, вздохнув, признал, что «они уникальны и не имеют аналогов в мире». Он начал свою карьеру, став военным советником при императорской резиденции, и затем, с блеском сдав экзамены по восьми дисциплинам, добился небывалых высот. В дальнейшем он занял пост сяньвэй** в городе Чаньянь, а затем его повысили до помощника главы приказа придворного этикета. Тогда же он принял участие в четырех экзаменах и все сдал превосходно, оставив конкурентов далеко позади. Даже мастер литературного творчества, чиновник, заведовавший водными путями, сказал, что сочинения его подобны медным деньгам, отлитым из чистого металла, и что все экзаменаторы без сомнений выбрали его. Вот почему в литературных кругах его и прозвали Медным ученым. Шло время. Медного ученого назначили на должность придворного историографа. Слава его была оглушительна. Знавшие его лично гордились тем, что удостоивались шанса пообщаться с этим человеком. Восхищались им не только в Китае — даже послы из Силла и Японии при каждом визите ко двору расспрашивали, нет ли у него новых сочинений, и, как только узнавали, что есть, тут же приобретали их за баснословные деньги или в обмен на драгоценности, а потом, вернувшись на родину, с наслаждением читали — так слава его растекалась по миру.

* Цзиньши — обладатель высшей степени на экзамене, проводившемся в столице раз в три года.

** Сяньвэй — начальник уездной охраны с полицейскими функциями; помощник начальника уезда по уголовной части.

Более того, от природы безразличный к людям, он никогда не заводил друзей ради выгодных связей и не нашел себе жены, хоть и минуло ему сорок лет. В его дворе жили журавли и поднимался дым от благовоний, а в руках всегда красовались листы писаний и канонов. Особенно он любил древние труды и классические сюжеты, передающиеся из поколения в поколение, собирал народные рассказы. Именно поэтому он сам себя часто называл сыном покоя. Он досконально знал сокровенное учение «Чжоу и» и в совершенстве владел древними техниками предсказания судьбы. Все вокруг трепетали перед его удивительными способностями, и даже уже почивший император однажды сказал: «Человека, подобного Чжан Вэньчэну, можно назвать совершенным!»

Чжан Чжо, или Чжан Вэньчэн, — именно так звали этого человека.

— Неужели вы и правда считаете, что коты могут петь песни и танцевать, да еще растворяться в воздухе, вцепившись в повозку, нагруженную серебром? — понизив голос, поинтересовался молодой человек.

На лице Чжан Чжо не дрогнул ни один мускул — никак не выказал он своего удивления. Вместо этого губы его растянулись в саркастической усмешке — так улыбаться мог только он. Хмыкнув, он спросил:

— Цяньли, ты примчался сюда рано утром только для того, чтобы задать мне столь идиотский вопрос?

Молодой человек, которого звали Цяньли, был внуком великого Ди Жэньцзе. Род Ди пользуется благосклонностью ныне правящей императрицы и является одной из самых знатных семей Китая. Ди Цяньли — выдающийся ученый и мастер боевых искусств, к тому же еще и красивый, словно распутившийся весной цветок. Благодаря этому он стал объектом восхищения всех женщин в городе Чанъань. Известен он под прозвищем Девятый Цветок — потому что прекрасен, словно бутон, и в роду своем девятый по старшинству.

— Эй, обо мне не забывайте! Я еще даже не позавтракал! — воскликнул Кан Ваньянь, потирая урчащий живот.

Придворный историограф холодно улыбнулся, закатил глаза и снова зарылся в свои писания. Ди Цяньли и Кан Ваньянь смотрели друг на друга, не зная, что делать. Чжан Чжо на некоторое время погрузился в чтение, а затем поинтересовался:

— Ваньянь, сон, о котором ты рассказывал, все-таки сбывается или нет?

— Сон? Какой сон? — Ди Цяньли непонимающе уставился на Кан Ваньяня.

— Точно, забыл совсем! — ответил Кан Ваньянь. — Речь идет о той молодой коровке, что я приобрел. Она здорова и ласкова — я привязался к ней и берегу как зеницу ока. Однако несколько дней тому назад мне приснился странный сон: словно у коровы этой выросло два хвоста. Это было так странно, что я пришел сюда поинтересоваться, к чему такое может присниться.

— Это просто сон, что тут такого? — Ди Цяньли рассмеялся в ответ.

— Все-таки боюсь, что этой коровы у тебя больше не будет, — прервал их разговор Чжан Чжо, перелистывая страницы.

— Говоря, будто ее больше не будет, вы имеете в виду, что она... — испуганно протянул Кан Ваньянь, потирая голову.

— Она потеряется. — Чжан Чжо вздохнул и наконец закрыл книгу.

— Это невозможно, — усмехнулся Кан Ваньянь. — Я специально наказал куньлуньскому рабу денно и ночью заботиться о ней и не отходить от нее ни на шаг. Как же она потеряется?

Не успели эти слова сорваться с его губ, как за воротами, ведущими во двор, мелькнула голова с лицом, темным, как уголь, — то был куньлуньский раб. Заглянув во двор, он жалобно протянул:

— Хозяин, беда!

— О, это же мой раб! Что случилось? — спросил Кан Ваньянь, поднимаясь с места.

— Корова... пропала! — Куньлуньского раба била дрожь.

— Пропала? Как так?! — Ваньнянь повернул голову, чтобы посмотреть на Чжан Чжо, и стукнул себя в грудь. — Говорят, что придворный историограф — ворон, который может накаркать... Что бы он ни сказал, все сбывается! Ох, хорошая корова была! Но как же она могла исчезнуть?!

С этими словами Кан Ваньнянь ушел, только его и видели.

Ди Цяньли посмотрел на удаляющийся силуэт Кан Ваньняня, а затем перевел взгляд на Чжан Чжо и ошарашенно спросил:

— Как вы узнали, что корова пропадет?

— Благодаря тому сну, конечно!

— Сну?

— Да. Помнишь ли ты, как выглядит иероглиф «корова»? 牛 Вот так, да? А что будет, если к этому иероглифу добавить два хвоста? — усмехнувшись, спросил Чжан Чжо.

— Хм... Иероглиф «корова» 牛 с двумя хвостами... Кажется, я понял. Получится иероглиф 失, означающий «потеря»!

— Именно! — широко улыбнулся Чжан Чжо и поднялся со своего места. Ткань белоснежного халата всколыхнулась от резкого порыва ветра — и вышитая красной нитью на манжетах большая красная птица словно взмахнула крыльями.

«Вот это да!» — мысленно восхитился Ди Цяньли.

— К слову... Тот странный случай, о котором я хотел поговорить... — неуверенно начал он.

— В этом мире никогда не бывает ничего странного, а так называемые демоны и монстры не более чем ерунда, выдумки, пустые разговоры, — категорично отрезал Чжан Чжо. По какой-то причине он смотрел в окно и не двигался.

— Но я видел все своими глазами!

— Люди всегда будут думать, что невероятные вещи, которые они видят и слышат, вызваны духами и монстрами. Неудивительно, что эти коты... Точнее, кот... — Внезапно Чжан Чжо осекся и, вперив взгляд далеко-далеко, усмехнулся. — Кажется, кто-то сегодня ищет неприятностей, да побольше!

— Что? Кто-то нарывается на неприятности? — Ди Цяньли повернул голову, проследив за взглядом Чжан Чжо. У ворот, ведущих во двор, нарисовалось целое войско.

Две роскошные повозки, украшенные золотом и серебром, остановились, и по обе стороны от них застыли как вкопанные слуги и придворные служанки. Спереди и позади виднелись два отряда солдат с блестящими на свету доспехами и мечами наперевес. В каждом их движении читалось могущество.

— Это резиденция придворного историографа Чжана? — Солдат, стоящий во главе войска, спешился и подошел к воротам.

— Что надо? — бесцеремонно поинтересовался Чжан Чжо, не любивший тратить время на формальные приветствия.

Дрогнули шторы — из карет вышли двое. Один из них был облачен в фиолетовые одежды, а на макушке его красовался черный чжэшанцзинь — мягкий головной убор с заломленным верхом. На идеально гладком белом лице не было ни волоска — зато взгляд приковывали к себе высокий нос и изогнутые брови. Второй был облачен в белый костюм для охоты, и голову его также покрывал черный убор — такие носили ученые, что ушли на пенсию. Ноги были обуты в сандалии на деревянной подошве, а за пояс был заткнут длинный меч. На вид ему было около тридцати лет, и одет он был не так, как обычно одеваются люди, проживающие в центре Великой Китайской равнины.

— Чун Эр, разрешите им войти! — Чжан Чжо слегка улыбнулся, завидев их.

— Пусть заходят. А вот военные пусть подождут снаружи! Вы двое, проходите, только сначала промойте обувь и вытрите насухо! — прокричал слуга по имени Чун Эр, злобно брызжа слюной.

Человек в фиолетовых одеждах расплылся в широкой улыбке и сказал:

— Я слышал, будто у придворного историографа есть свои странности, но не думал, что все настолько серьезно.

С этими словами он кивнул человеку в охотничьей одежде. Чужеземец, напротив, сильно нервничал и взволнованно смотрел на Чжан Чжо.

— Кажется, они из дворца, — шепнул Ди Цяньли, склонившись к Чжан Чжо. — Что им от вас надо? Пришли такие важные шишки... Еще и с целым войском заявили... Вы впутались во что-то серьезное?

— Ха-ха! Тоже мне... Важные шишки... — прыснул Чжан Чжо. — Хотя... что-то чиновничье есть... Шангуань как-никак... говорящая фамилия...

— Что? — Ди Цяньли непонимающе поднял брови. Тем временем оба гостя уже почистили обувь и, не торопясь, подошли к крыльцу. Чжан Чжо медленно прошел по коридору и подошел к каменной скульптуре во дворе, взял бамбуковый половник и, зачерпнув воды, полил ее, отчего зеленый мох, въевшийся в камень, стал ярче.

Человек в фиолетовом стоял в стороне и терпеливо ждал, когда на него обратят внимание, но, увидев, что Чжан Чжо продолжает заниматься своими делами, натянуто улыбнулся и сказал:

— Мы пришли с добрыми намерениями. Неужели вот так придворный историограф обращается со своими гостями?

Этот человек не мог никого оставить равнодушным — весь его образ с элегантной одеждой, утонченной манерой речи, выразительными бровями и нежным голосом был преисполнен притягательности. Чжан Чжо медленно подошел к нему, прищурил глаза и заявил:

— Что за маскарад. Я вижу тебя насквозь. Ты ведь красива, но в этих мужских одеждах выглядишь ужасно.

— Ах ты... Как ты посмел?! — Человек в фиолетовом задохнулся от ярости.

— Я как-никак придворный историограф, высокопоставленный чиновник нашего государства, а ты не более чем мелкая придворная чиновница. Хочешь, чтобы я тебе кланялся?

— Придворная чиновница? Вы хотите сказать, что... — Ди Цяньли окинул внимательным взглядом человека в фиолетовом и, не обнаружив у того кадыка, обомлел.

— А вы, должно быть, Девятый Цветок из семьи Ди? Последний раз, когда нам довелось видаться, я бывал у вас дома, чтобы почтить семью Ди своим визитом. На тот момент прошло два года с тех пор, как великий Ди Жэньцзе скончался от болезни! — Человек в фиолетовом снисходительно улыбнулся.

Ди Цяньли же запаниковал:

— Прошу прощения, глаза, кажется, мне врут... Не знаю, как мне к вам обращаться... Придворная дама или, быть может, шангуань...

— Ты обращаешься к человеку по фамилии и не знаешь, кто перед тобой. Да уж, такого идиота я давно не встречал! — Чжан Чжо разразился смехом.

— По фамилии?

— А я разве не сказал об этом только что? Шангуань!*

Наконец Чжан Чжо сел и, ехидно усмехнувшись, заявил:

— Цяньли, перед тобой особа, что больше всех удостаивается милости ныне правящей императрицы, Шангуань Ваньэр собственной персоной, более известная как женщина-канцлер.

— О небо! — воскликнул Цяньли, словно громом пораженный. Долгое время он молча таращился на Шангуань Ваньэр, и наконец к нему вернулся дар речи: — Удивительно, как привлекательны женщины, переодетые в мужчин!

Неприкрытая лесть вовсе не разозлила Шангуань Ваньэр — та лишь улыбнулась в ответ, и на щеках ее, словно цветы, расцвели ямочки.

— Значит, и правда так, раз уж Девятый Цветок заметил это!

* В китайском языке название должности «чиновник» обозначается теми же иероглифами, что имя Шангуань. Отсюда игра слов — женщина-чиновник по фамилии, дословно переводящейся как «чиновник».

— Хватит друг другу зубы заговаривать. Ваньэр, кто это с тобой? — Чжан Чжо перевел взгляд на ее спутника.

Прежде чем Шангуань Ваньэр успела ответить, мужчина шагнул вперед, поклонился и громко сказал с заметным акцентом:

— Я посол страны Нихон, также известной как Япония, при дворе династии Тан... Нет, посол страны Нихон при дворе династии У Чжоу*. Меня зовут Авата-но Махито, я прибыл с визитом к Медному ученому!

Он распрямылся. На его лице застыло волнение, а губы подергивались в уголках.

— Придворный историограф, Авата-но Махито — ваш поклонник! — кокетливо заметила Шангуань Ваньэр, подняв брови.

— Из Нихон? Не из Ямато? — спросил Чжан Чжо.

— Позавчера я уже общался с императрицей от лица правителя моего государства. Приняли решение называть мою страну Нихон, то есть Японией, — торжественно заявил Авата-но Махито.

— Садитесь, не стесняйтесь, — слегка кивнул Чжан Чжо.

Шангуань Ваньэр и Авата-но Махито сели напротив Чжан Чжо. Четверо людей, разместившихся на веранде, некоторое время молча переглядывались, не зная, как начать разговор.

— Боюсь, случилось что-то совсем плохое, раз вы бросили все обязанности в императорском дворце и примчались в мой ветхий особняк, да еще с японским послом? — мрачно поинтересовался Чжан Чжо.

* Вторая Чжоу — китайская императорская династия, которая существовала с 690 по 705 год н. э., когда императрицей Китая была У Чжао, более известная как У Цзэтянь. Чтобы отличить династию Чжоу от династии Чжоу доциньского периода (1122–249 год до н. э.), данную династию называют У Чжоу.

** Устаревшее название Японии. Именно японскому послу Авата-но Махито довелось в первый раз объявить китайцам, что страна на островах за Восточным морем называется не «Ямато», а «Нихон». Так она с тех пор и зовется (русское «Япония» — отсюда же).

— Из собачьей пасти не жди слоновой кости! — залилась смехом Шангуань Ваньэр, но тут же осеклась и, помрачнев, кивнула. — Да, случилось. Во дворце.

— Как могло что-то случиться во дворце?! — удивленно воскликнул Ди Цяньли.

— Случилось что-то... крайне странное! — взволнованно протянула Шангуань Ваньэр. Точеные брови ее изогнулись, алые губы слегка приоткрылись, и с них сорвался тихий, грустный вздох. Она устремила полный боли взгляд на Чжан Чжо и Ди Цяньли.

— Если что-то происходит во дворце, с этим должен разбираться император. Если император устал, у него есть целый кабинет министров. На кой черт вы приехали ко мне? — С этими словами Чжан Чжо сошел во двор, чтобы покормить рыб в пруду. Бросив им съедобные крошки, он вернулся, сжимая в руках непонятно откуда взявшуюся розу.

Белая роза в его руках была воплощением нежности — ее легкие лепестки трепетали на холодном ветру.

Стоявший рядом Авата-но Махито оглянулся. Во дворе ничего не росло, не было ни единого цветка.

— Боюсь, что никто, кроме вас, не сможет нам помочь. — С этими словами Шангуань Ваньэр взяла цветок из рук Чжан Чжо и поднесла его к носу, чтобы втянуть аромат. Ее брови удивленно взметнулись вверх. Все-таки женщины без ума от цветов.

Чжан Чжо вновь зажег палочку благовоний в курильнице и с улыбкой сказал:

— Я всего лишь шарлатан, бедный и ленивый. Да, выгляжу я получше других, но по большей части бесполезен. И не смогу вам ничем помочь.

Авата-но Махито упал на колени и вскрикнул:

— Ваше превосходительство, прошу вас, помогите!

— Уважаемый посол, я не знаю, какие обычаи в вашей стране. В Китае обращение «ваше превосходительство» нельзя использовать без разбора. Так мы можем обращаться, например, к отцу, — громко рассмеялся в ответ Чжан Чжо.

Авата-но Махито залился краской и тут же торопливо исправился:

— Прошу вашей помощи, господин!

— Уф! Я чересчур добрый и мягкосердечный. Рассказывайте, что стряслось. — Чжан Чжо махнул рукой и повернулся. На его лице наконец-то появился намек на серьезность.

Авата-но Махито бросил взгляд на Шангуань Ваньэр, которая неподвижно стояла, сжимая в руках цветок. Та осторожно кивнула.

— С чего бы начать?.. Дело в коте, — вздохнул Авата-но Махито.

— В коте? — Ди Цяньли невольно вытаращил глаза и впился взглядом в Чжан Чжо.

На белом лице Чжан Чжо не дрогнул ни один мускул — лицо его напоминало глубокий колодец, ледяную воду в котором никогда не трогала рябь.

— Япония всегда восхищалась вашей страной и считала ее государством, достойным подражания. Именно по этой причине моя страна неоднократно отправляла сюда послов. Это честь и почет, но... такую задачу нелегко исполнить. — Авата-но Махито опустил голову и медленно продолжил: — Хотя я и происхожу из семьи государственных чиновников, у меня нет никаких амбиций или достоинств, кроме воспитания и знания этикета, но японский император выбрал именно меня на должность посла Японии при дворе династии Тан или уже У Чжоу. Когда наступила дата отъезда, я надел траурную одежду и попрощался со своей семьей...

— Уважаемый посол, я не понимаю... Раз вас выбрали послом страны, вы должны с радостью выполнять свой долг. Почему же вы надели траурную одежду в день прощания? — удивленно спросил Ди Цяньли.

— Господин Ди, путь от моей страны до Китая составляет более десяти тысяч ли* по морю. Каждому послу предстоит

* Один ли равен примерно 500 м.

пережить бурные волны и штормовые ветра, столкнуться с множеством диковинных морских чудищ и коварных острых коралловых рифов. На девять шансов умереть лишь один остаться в живых. Так было всегда. Только одному из десяти человек суждено добраться до земель династии Тан, — ответил Авата-но Махито.

Ди Цяньли широко открыл рот от удивления, но не прооронил ни слова. Авата-но Махито поднял голову и посмотрел на Чжан Чжо.

— Мои родители умерли рано. Я отец трех сыновей и дочери. Дети мои еще маленькие. Именно поэтому в день расставания я не мог найти себе места от волнения, вот и принес кое-что из дома.

— И что же это? — спросил Ди Цяньли.

— Это кот, — ответил Авата-но Махито. — Старый черный кот, ему уже много-много лет.

Все молчали. Чжан Чжо поднял голову, и оттого не было видно выражения его лица. Небо стало хмурым, казалось, что вот-вот пойдет снег.

— Нет нужды рассказывать, насколько трудным было путешествие, поскольку мне удалось спастись от смерти. Как только мои глаза смогли различить вдалеке побережье вашей страны, разразился сильный шторм. Я не знал, суждено ли мне выжить, потому молился о своем спасении всем известным мне богам. Огромная волна накрыла судно и оглушила меня, я потерял сознание. Очнулся уже на суше — волны выбросили меня на песок. Многие из тех, кто плыли вместе со мной, погибли, однако... море не тронуло меня. На моем теле не было ни царапины. Когда я очнулся, то обнаружил моего старого кота, прижавшегося ко мне. Думаю, именно он и спас мне жизнь, ведь в моей стране коты — необыкновенные существа, — сказал Авата-но Махито. История его чудесного спасения заставила всех молча внимать каждому слову.

— На пути к императорскому двору я относился к старому коту со всей заботой и вниманием, что мог ему дать, возносил

его, будто кот был настоящим божеством. Когда мы прибыли в Чанъань, нас разместили в монастыре Дасиньшань у квартала Цзиншаньфан, и старый кот стал моим товарищем, что скрашивал время ожидания, пока императорский двор призовет меня. В чужой стране только он составлял мне компанию и напоминал мне о родине, и лишь он был моим единственным утешением, — продолжил свой рассказ посол и, тяжело вздохнув, добавил: — Я думал, дни моих страданий подошли к концу, но не ожидал, что кошмар обрушится на мою голову в седьмой день первого месяца.

— Седьмой день первого месяца? — затаив дыхание, переспросил Ди Цяньли.

— Тем утром я, как обычно, покормил кота и ушел по своим делам. Спустя какое-то время я понял, что он пропал. Я искал его полдня, но кота нигде не было. Служители обыскали весь храм, но тоже не нашли его. Как раз в это время мы получили долгожданную новость: Ее Императорское Величество была согласна на аудиенцию и приглашала на торжественную встречу в главный обрядовый зал дворца Дамингун. Мне пришлось отложить поиски и начать готовиться к поездке во дворец. Когда стемнело, я оделся и в сопровождении своих слуг покинул храм. Торжественной процессией мы медленно направились на север. Но через пару кварталов раздался встревоженный крик слуг.

Как только Авата-но Махито сказал это, Ди Цяньли охнул и хлопнул в ладоши:

— Неужели в ту ночь в повозке были вы?!

Авата-но Махито настороженно уставился на Ди Цяньли и спросил:

— Неужели...

— И я тогда был у Восточных ворот храма Цзяньфу! — воскликнул Ди Цяньли.

— Раз так, то вы видели, что произошло? — спросил Чжан Чжо, опустив голову и исподлобья уставившись на Ди Цяньли и японского посла, а те одновременно ахнули.

— Сначала до моего слуха донеслись удары барабанов и звуки музыки. Я подумал, что где-то был самый разгар пиршества, и не обратил на это внимания. Позже, услышав крики слуг, я поспешно поднял занавес и издалека увидел ужасающую сцену. Никогда бы не подумал, что вживую столкнусь с ночным шествием сотен чудовищ! Но мои глаза мне никогда не врут.

— С ночным шествием сотен чудовищ? — удивленно округлил глаза Ди Цяньли, от волнения вытягиваясь в струну.

Авата-но Махито кивнул:

— Как говорят в моей стране: всякий раз, когда ночь опускается на землю, когда стихают все звуки, а люди погружаются в сладкие объятия сна, чудовища заполняют городские улицы. Они поют, пляшут, веселятся и наслаждаются миром без людей. Именно это мы называем ночным шествием сотен чудовищ.

Чжан Чжо скептически хмыкнул:

— Пф! С чего бы так говорили в Японии? Уважаемый посол, так называемое ночное шествие сотен чудовищ берет свои истоки в Древнем Китае.

Авата-но Махито удивленно поднял брови в ответ.

Чжан Чжо объяснил:

— В древности император Хуан-ди наказал своей жене Мому отвечать за проведение ритуальных жертвоприношений. Ей надлежало стать заклинателем духов, и потому на ее плечи легла ответственность за изгнание нечистых сил из Поднебесной и предотвращение бедствий. Позже должность заклинателя духов была закреплена на государственном уровне. В трактате «Чжоу ли» в разделе «Ся гуань» говорится, что «заклинатель духов облачается в шкуру медведя, из-под которой виднеется черно-красная церемониальная одежда, и, сверкая четырьмя золотыми глазами, что украшают маску, поднимает вверх копье и щит, чтобы изгнать нечистую силу и привнести покой в палаты». Это значит, что каждый раз, когда в Китае отмечался важный праздник, заклинатель духов облачался в ритуальную одежду, надевал маску с четырьмя глазами и, гордо подняв

вверх копьё и щит, выводил за собой за пределы города бесчисленных демонов и призраков, дабы они перестали терзать землю. Думаю, этот обычай распространен и в вашей стране, но поскольку люди не знают его истинного значения, то считают, что речь идет всего лишь о ночном шествии сотен чудовищ.

Авата-но Махито заворуженно кивнул:

— Видимо, все так и есть.

— Ладно, не буду больше разглагольствовать. Уважаемый посол, продолжайте свой рассказ! — равнодушным тоном сказал Чжан Чжо.

Авата-но Махито вздрогнул, и длинный меч, заткнутый за пояс, с грохотом упал на землю.

— Я был поражен до глубины души, увидев котов в человеческих одеяниях, поющих, танцующих и толкающих вперед повозку, которая, казалось, была полна серебряных монет. Я попросил кучера подогнать мою повозку поближе, чтобы внимательно ее рассмотреть. Но не успели мы нагнать их, как коты и наполненная серебром повозка испарились в воздухе! — прошептал Авата-но Махито. Лицо его от страха стало пепельным.

— Думаю, это никак не связано с тем, что могло произойти во дворце, — резко ответил Чжан Чжо.

— И мне тогда казалось, что эти события никак не связаны, но... то, что случилось дальше... — нервно пробормотал Авата-но Махито. — Когда это произошло, я растерялся и приказал слугам поспешить. После того как мы миновали квартал Кайхуафан и достигли улицы, что тянется с востока на запад прямо перед Императорским городом, завернув за угол, вдалеке мы увидели человека. В обычное время я бы не обратил на него внимания: днем улицы заполнены толпами людей, беспорядочно снующих туда-сюда. Однако тот человек находился на улице вопреки комендантскому часу... и... у него не было тени... Я не мог отвести от него взгляд и потому приказал остановить повозку.

Ди Цяньли не удержался и спросил:

— Уважаемый посол, вы знали того человека?

Авата-но Махито лишь покачал головой в ответ.

— Тогда почему... — начал свой вопрос Ди Цяньли.

— Все очень просто, — сказал Авата-но Махито, глубоко вздохнув. — На руках у него был черный кот, которого я как раз потерял!

— Это невозможно! — нервно хихикнув, ответил Ди Цяньли. — Как вы могли издали разглядеть, что он нес именно вашего кота? В мире же столько черных кошек — не сосчитать!..

— Я уверен! Мои глаза мне не врут! — со всей серьезностью заявил Авата-но Махито. — Тот кот был моим верным другом многие, многие годы. Я узнаю его из тысячи. Ошибки быть не может.

— И что же было потом? — спросил Ди Цяньли.

— Я приказал остановить повозку. Человек тот был полностью облачен в черные одежды, скрывающие его худощавую фигуру. За поясом висел длинный меч. Со стороны человек выглядел как благородный воин, и внешность его была красива — как говорится, кровь с молоком. Я спросил путника, откуда у него мой кот. Он оказался достаточно вежливым. Сказал, что раз у этого черного кота есть хозяин, значит, его следует вернуть законному владельцу. Сперва я было решил, что он вор, но когда увидел, насколько элегантно его манеры, когда почувствовал, как благоухает его одежда, то не стал больше задавать вопросов. Я был так рад вернуть себе кота, мое потерянное сокровище, что наградил мужчину, отсыпав из своего кармана серебра. — С этими словами Авата-но Махито почтиительно поклонился и продолжил свой рассказ: — Затем я направился во дворец вместе с котом.

— Я не ослышался? Вы действительно решили взять кота во дворец? — на лице Чжан Чжо наконец-то появился намек на удивление.

— Что в этом запретного? — ответил вопросом на вопрос посл.

Чжан Чжо ничего не сказал, лишь стрельнул взглядом на Шангуань Ваньэр. На их лицах застыло смешанное выражение.

Заметив, что Чжан Чжо и Шангуань Ваньэр странно переглядываются, Авата-но Махито поспешно проговорил:

— Кажется... не стоило мне приносить кота во дворец. Однако после воссоединения с моим пушистым спутником я пребывал в прекрасном расположении духа и совершенно не подумал об этом. Более того, когда я жил в храме Дасиньшань у квартала Цзиншаньфан, слышал, что Ее Императорское Величество любит кошек, и подумал, что можно взять кота с собой к императорскому двору.

Чжан Чжо холодно усмехнулся:

— Вы, судя по всему, не умеете отличать правду от брехни и, вместо того чтобы прислушаться к тому, к чему нужно прислушаться, уловили лишь какой-то вздор!

— Почему? — Авата-но Махито не понял, на что намекал Чжан Чжо. Тот же лишь махнул рукой, приказывая послу продолжить свой рассказ.

Авата-но Махито опустил на деревянные доски пола и задрожал:

— Торжественный прием проходил в зале Линдэдянь. Хотя я и частый гость в императорских дворцах, но никогда до этого не видел столь грандиозных пиршеств. По сравнению с императорским двором Китая наша страна подобна... лягушке на дне колодца, что вперила взгляд в высокое небо... Особенно меня восхищает Ее Императорское Величество. Я преклоняюсь пред ее мудростью и гениальностью. Китай — великая страна, достойная восхищения!

— Что произошло дальше? — Чжан Чжо, несмотря на трескучий мороз, достал складной веер и раскрыл его, спрятав лицо за рисунком красивой птицы алого цвета. Авата-но Махито это удивило, а Ди Цяньли, казалось, ничего не замечал.

— Сначала все было хорошо, — покачал головой посол. — По всем правилам этикета, которому меня научил посол со стороны императорского двора, я действовал осмотрительно и аккуратно, особенно после вручения подарка и официального послания от императора Японии. Ее Императорское Величество

была настолько довольна, что даже милостиво согласилась отныне именовать мою страну Японией. Однако... когда торжественный прием уже подходил к триумфальному завершению, случилась беда.

Лоб японского посла покрылся ледяной испариной. Дрожь пробилась его тело.

— Во дворе внезапно появился... кот!.. — заикаясь, воскликнул он.

Чжан Чжо застыл, словно громом пораженный. Веер в его руках перестал двигаться.

— Я не стал брать кота с собой в зал Линдэдянь и поручил одному из слуг присмотреть за ним. Никто и представить не мог, что кот внезапно появится в зале и на глазах у множества людей медленно подойдет к трону Ее Императорского Величества, сядет и громко мяукнет.

Чжан Чжо слегка прикрыл глаза — длинные ресницы подрагивали.

— Ее Императорское Величество была вне себя от ярости. Она грозно закричала: «Кто позволил коту попасть в зал?!» — продолжил свой рассказ Авата-но Махито, эмоционально жестикулируя.

Губы Чжан Чжо слегка дрогнули, словно тот хотел улыбнуться.

— Вы признались?

— Разумеется! Иного и быть не могло! — закивал Авата-но Махито. — Я подошел к трону, пал на колени перед Ее Императорским Величеством и честно признался, кому принадлежит кот.

— Ее Императорское Величество наверняка метала молнии от гнева? — Ехидно прищурившись, Чжан Чжо смеялся над японским послом.

Авата-но Махито кивнул:

— Да. Ее Императорское Величество была разгневана настолько, что одним взмахом руки смела на пол все с письменного стола. А стража бросилась ловить кота. Я и подумать не мог, что старый

кот окажется настолько ловким и сможет ускользнуть от множества цепких рук, запрыгнув на стол Ее Императорского Величества!

— Да уж, да уж... — повторял Чжан Чжо, на его глазах выступили слезы от смеха.

— Ее Императорское Величество испугалась настолько, что практически упала навзничь, и все чиновники и придворные дамы кинулись ей на помощь. В зале царил настоящий хаос. Кот, видимо, тоже испугался и потому пронзительно мяукал. Убегая от стражи, он скакнул к Ее Императорскому Величеству и расцарапал ее!

— Надеюсь, кот не тронул ее лица? — поинтересовался Ди Цяньли и тут же прикусил себе язык.

Авата-но Махито бросило в холодный пот:

— Нет, только руки. Ее Императорское Величество от волнения практически лишилась чувств. Ей помогли выйти из зала. Меня же поймали и отвели в одну из дворцовых караулок. Я даже представить себе не мог, что такое может случиться, и потому чрезвычайно опечален. Смерть не пугает меня. Я лишь боюсь, что этот... инцидент... повредит отношениям между нашими странами. Если это случится, я не смогу найти себе места от стыда. Едва ли я смогу справиться с грузом вины, что ляжет на мои плечи.

— Что же случилось с котом? — спросил Чжан Чжо.

Во дворце творилась полная неразбериха, а его волновал лишь кот!

— Сбежал.

— Сбежал? — Глаза Ди Цяньли чуть ли не вылезли из орбит от удивления.

— Да. Несмотря на бесчисленных стражников, что пытались его поймать, несмотря на гражданских и военных чиновников, несмотря на дворцовых чиновников и придворных дам... он сбежал... — прошептал Авата-но Махито. Казалось, он вот-вот расплчется.

— Уважаемый посол, кот у вас, мягко говоря, выдающийся! — усмехнувшись, сказал Чжан Чжо.

Авата-но Махито, всхлипнув, ответил:

— Господин... Прошу вас, не смейтесь надо мной. Если бы меня не беспокоили отношения между двумя странами, я бы достал меч и совершил сэппуку, благородно встретив смерть.

Чжан Чжо многозначительно хмыкнул и, нахмутив брови, спросил:

— Что же было дальше?

— До рассвета я был под охраной. Всю эту бесконечную ночь я не мог найти себе места из-за того, что случилось. Опустив голову на стол, я иногда погружался в сон, из которого тут же выныривал. Однако стоило мне наконец задремать, как дверь отворилась, вбежали стражники, заковали меня в кандалы и бросили в камеру. Они сказали, что я совершил чудовищное преступление и, несмотря на то что я посол другой страны, меня ждет смерть.

— Разумеется, вы виноваты в том, что кот поцарапал Ее Императорское Величество. Вы были слишком легкомысленны. Тем не менее это выглядит немного... — Ди Цяньли вздохнул, представив, что послу другой страны предстоит лишиться головы из-за какого-то кота.

— Немного... чрезмерным, да? — Чжан Чжо закончил за него предложение.

Ди Цяньли кивнул:

— Ее Императорскому Величеству не занимать мудрости и великодушия. Но на этот раз...

— Вы просто не понимаете! — Чжан Чжо поднялся на ноги.

— Чего же мы не понимаем?

— Что на протяжении всей своей жизни Ее Императорское Величество больше всего боялась кошек и избегала их! — ледяным тоном отрезал Чжан Чжо.

Авата-но Махито вытаращил глаза и воскликнул:

— Но почему?!

Чжан Чжо обернулся и, смерив японца презрительным взглядом, едко процедил:

— Неужели вы, уважаемый посол, думаете, что столь мудрая, выдающаяся императрица, которой под силу подчинить себе весь мир, которая так крепко держит в руках бразды правления, что может смотреть на всех с высоты своего статуса и не замечать никого и ничего, испугается какого-то вшивого кота просто так?

— Хотите сказать, что Ее Императорскому Величеству, хм... не по нраву... кошки?

— Ха-ха-ха! Вот умора! — Чжан Чжо разразился смехом. — Эх, уважаемый посол... Вот что я скажу. Беда постучалась в ваши двери, как только этот кот появился в зале Линдэдянь, где была Ее Императорское Величество.

— Я... ничего не понимаю, — жалобно простонал Авата-но Махито. — Почему же Ее Императорское Величество так его испугалась?

Чжан Чжо бросил взгляд на Шангуань Ваньэр и спросил:

— Я скажу? Или ты?

Шангуань, оцепенев, не отрывала взгляда от цветка, что держала в руках. Она ничего не ответила.

— Хорошо, так уж и быть, я расскажу. — С этими словами Чжан Чжо вновь опустил и пристально посмотрел на японского посла. — Вы прибыли в мою страну при дворе династии У Чжоу. Знаете ли вы хоть что-нибудь о Ее Императорском Величестве?

— Конечно!.. Разумеется, я старался узнать об императрице побольше, — судорожно закивал Авата-но Махито.

— Ну тогда расскажите мне все, что знаете.

— Всё?

— Всё.

Авата-но Махито покачал головой:

— Отец У Цзэтянь был богатым торговцем. Император дружил с семьей У и покровительствовал ей. Ее отец поставлял императорскому двору военные ресурсы, но империя Суй потерпела крах. Когда трон заняла династия Тан, отец, У Ши-хоу, получил высокую должность в правительстве.

По правилам, называть императрицу по имени строжайше запрещено, особенно по имени ее отца, но сейчас никто не обратил на это внимания.

— У самого У Шихоу было две жены. Ее Императорское Величество была второй дочерью его второй жены, которая происходила из знатной семьи Ян. У второй жены не было сыновей, но у старшей, что скоропостижно скончалась, было два сына, — сказал Авата-но Махито. — После смерти У Шихоу матери Ее Императорского Величества пришлось несладко: у нее было трое дочерей, и потому к ней относились весьма холодно и даже пренебрежительно. Можно сказать, что в те годы Ее Императорское Величество жила в нищете, голоде и холоде. Жизненные перипетии закалили ее характер.

Чжан Чжо не удержался и прыснул. Видимо, Авата-но Махито и правда приложил немало усилий, чтобы побольше узнать об императрице перед прибытием в Китай.

— Когда Ее Императорскому Величеству исполнилось четырнадцать лет, она попала в гарем императора Тай-цзуна младшей наложницей. Там она получила титул цайжэнь, что означает «талантливая наложница». Император называл ее У Мэй — «прекрасная из рода У» — и восхищался ее талантом и амбициями, но фавориткой Ее Императорское Величество так и не стала. После кончины императора Тай-цзуна, по обычаю того времени, она была отправлена монахиней в буддийский монастырь, храм Ганье, где и прожила несколько лет в одиночестве. Только после того, как на престол взшел Великий император, ее жизнь начала меняться к лучшему. Под Великим императором я имею в виду Ли Чжи, также известного как император Гао-цзун. Император Гао-цзун навещал ее в монастыре, а затем забрал ее в гарем. Довольно скоро император сблизился с У Цзэтянь, которая стала наложницей второго ранга, а императрица Ван и наложница Сяо потеряли свои позиции. У Цзэтянь же пользовалась благосклонностью императора и подарила ему сына. — Авата-но Махито пристально посмотрел на Чжан Чжо и Шангуань Ваньэр. — Затем...

произошел ряд некоторых событий... и У Цзэтянь стала императрицей.

Чжан Чжо усмехнулся и ехидно протянул:

— Вы деликатно опустили множество деталей.

Авата-но Махито не понял, на что именно намекал Чжан Чжо, и сказал:

— Потом Великого императора стали мучить невыносимые головные боли, и Ее Императорское Величество взяла в руки бразды правления. Она приняла титул Тянь-хоу, что значит «Небесная императрица», и стала именовать себя вместе с императором «двумя государями». После кончины Великого императора наследник вступил на трон. Императрица передала престол старшему сыну, сохранив, однако, реальную власть в своих руках. Под старшим сыном я подразумеваю императора Чжун-цзуна, что при рождении получил имя Ли Сянь. Затем Ее Императорское Величество возвела на престол другого сына, — заикаясь, продолжил делиться знаниями Авата-но Махито. Совершенно неудивительно, что он немного заикался — то было сложное время для династии Тан. — После восхода на престол Ли Сянь за оскорбление императрицы был разжалован в удельные князья и сослан в провинцию, а четвертый сын, Жуй-цзун, при рождении Ли Дань, стал императором. Что же было дальше? Хм... Подобное развитие событий вызвало протест танских легистов*, однако Ее Императорское Величество жестко подавила вспыхнувшее восстание, лишив жизни многих людей. В дальнейшем положение императрицы стало настолько прочным, что она свергла сына, провозгласила себя императором, приняла имя У Цзэтянь и императорский титул хуанди, возвестив о новой династии У Чжоу.

* Легизм — философская школа Китая, основной идеей которой было равенство всех перед Законом и Сыном Неба, а именно — раздача титулов не по рождению, а по реальным заслугам. Согласно идеям легизма, любой простолудин имел право дослужиться до любого чина.

Авата-но Махито нахмурился и, переведя дыхание, продолжил:

— Спустя годы ее правления наступил хаос, и в конце концов началась битва за трон. Перед императрицей встала проблема назначения престолонаследника. С одной стороны, на трон претендовали два ее сына: Ли Дань, бывший император Жуй-цзун, и Ли Чжэ*, бывший император Чжун-цзун, оба они когда-то были смещены и сосланы в статусе князей. С другой стороны, племянники императрицы из клана У — князя У Чэнсы и У Саньсы, рассматривавшие династию У Чжоу как утверждение семьи У в противовес смещенной Танской династии. Некоторые важные чиновники настаивали на том, что наследник из семьи Ли должен занять императорский трон. Две фракции вели ожесточенную и кровавую борьбу, в результате которой погибло множество людей, но именно Ди Жэньцзе, доверенный советник императрицы, убедил ее утвердить Ли Сянь в качестве наследника. И вот мы дошли до наших дней!

Закончив свой рассказ, Авата-но Махито с тоской посмотрел на Чжан Чжо:

— Господин, я очень тщательно изучил историю Ее Императорского Величества, прежде чем прибыть в Китай, но мне никогда не доводилось слышать, что Ее Императорское Величество ненавидит кошек.

Чжан Чжо удивленно протянул:

— Вы и правда многое знаете. Но... Уважаемый посол, боюсь, что вы никак не можете знать, почему Ее Императорское Величество боится кошек. О таких вещах не распространяются. Вы не прочтете этого ни в одном трактате. Более того, даже если вы кого-нибудь решитесь расспросить об этом других, никто не осмелится сказать вам правду.

— Почему же?

Чжан Чжо сжал губы в тонкую линию и помассировал виски.

— Прошу, господин, расскажите мне. И когда я лишусь головы, то, по крайней мере, умру, понимая, что же натворил!

* Он же Ли Сянь.

Умоляю! — Авата-но Махито уперся в землю обоими кулаками и поднял ягодицы так высоко, что его голова оказалась на полу.

— Ох-ох-ох! — Вздохнув, Чжан Чжо покачал головой, помог послу подняться и пристально посмотрел ему в глаза. — Хорошо, я расскажу. Только унесите эту тайну с собой в могилу. Никто не должен об этом знать.

— Клянусь всеми богами, что буду держать рот на замке!

— Причина, по которой Ее Императорское Величество боится кошек, не так уж и проста. Дело, скорее, совсем не в кошках, — задумчиво протянул Чжан Чжо, постукивая веером по ладони.

— А в чем же?

— На самом деле... Ее Императорское Величество трепещет от страха... из-за демона, что никак не оставит ее в покое.

Бух! Услышав объяснение Чжан Чжо, Авата-но Махито грузно опустился на пол. Его лицо скривилось от ужаса.

II. Кот, что говорил на человеческом языке

«Динь-динь!» — звенел ветряной колокольчик, висевший на углу карниза. От этого звука, тонкого и слабого, становилось все холоднее и холоднее.

— Ты скажешь? Или я? — поинтересовался Чжан Чжо у Шангуань Ваньэр, растянув губы в легкой улыбке.

— Как я могу о чем-то говорить, если понятия не имею, что хочет сказать придворный историограф? — хмыкнула в ответ Шангуань Ваньэр.

— Ха-ха-ха! Действительно! Если я не скажу, то ты тем более не рискнешь. Очевидно, что ты, — разразился смехом Чжан Чжо, — умная и весьма осмотрительная особа. Да будет

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

